Министерство образования и науки Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ТГУ)
Философский факультет
Кафедра философии истории и логики

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГАК
Зав. кафедрой,
докт. филос. наук, профессор
_____ В.А. Суровцев
«5» 6 2021 г.

Магистерская диссертация
«Понятие "apriori" в философии Канта и в аналитической философии языка»
по основной образовательной программе подготовки магистрантов
История философии и логики
47.04.01 – Философия
Цидзеневский Александр Сергеевич

Руководитель:
доктор филос. Наук
_____ Е.В. Борисов
«7» июня 2021г.
Автор работы
магистр группы № 12 1911
_____ А.С. Цидзеневский

Томск 2021

Министерство образования и науки Российской Федерации
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ТГУ)
Философский факультет
Кафедра истории философии и логики

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой
_____В.А. Суровцев
«1 » октября 2021г

ЗАДАНИЕ
по подготовке магистерской диссертации
магистранту Цидзеневскому Александру Сергеевичу, группы № 121911

1.Тема работы: «Понятие "apriori" в философии Канта и в аналитической философии языка»

2.Срок сдачи студентом выполненной ВКР:
а) на кафедре - 1 июня 2021 года,
б) в ГАК - 14 июня 2021 года

3.Исходные данные к работе

Целью данного исследования является анализ наиболее значимых работ Иммануила Канта, в которых представлена тема a priori, и сравнение кантовского учения об a priori с основными версиями априоризма, представленными в аналитической традиции (на примере работ Фреге, Рассела и Крипке).

Задачи работы:

1) Эксплицировать основные положения кантовского априоризма и выявить его неоднозначные моменты.

2) Эксплицировать специфику версий априоризма, представленных в работах Фреге, Рассела и Крипке.

3) Выявить основания, по которым кантовская идея a priori была подвергнута ревизии в работах Фреге, Рассела и Крипке, и оценить степень ее обоснованности.

4.Краткое содержание работы

В первой главе данного исследования приводится анализ работы «Критики чистого разума И. Канта и формулируются основные положения кантовского априоризма.

Во второй главе приводятся позиции Фреге, Рассела и Крипке. Рассматриваются основания их критики априоризма Канта и предложенные ими альтернативные версии априоризма.

5. Организация, по заданию которого выполняется работа:
Каф. Истории философии и логики ТГУ

7.Дата выдачи задания: «1» октября 2021 г.

Руководитель ВКР
профессор кафедры истории
философии и логики Е.В.Борисов

Задание принял к исполнению А.С. Цидзеневский

Содержание

Введение: общая характеристика работы 3

1 Априоризм в Критике чистого разума 7

2 Фреге и Рассел об априорности 17

3 Крипке об априорности. 32

Заключение 40

Список использованных источников и литературы 42

Введение: общая характеристика работы

Актуальность темы исследования.

Понятие apriori, вокруг которого выстраивается данное исследование, фигурировало во многих исследованиях европейской философии. Однако в данном исследовании затронута его наиболее известная трактовка, а именно та, которая отражена в работах Иммануила Канта. Главной или вернее сказать, «опорной» работой здесь используется «Критика чистого разума», где буквально, чуть ли не с самых первых её страниц поднимается тема априорного знания[1]. Автором данного исследования полагается, что проблема априорного знания, проблема соотнесения рационалистической философии с тезисами эмпиризма, а также вопрос о статусе абстрактного, отвлеченного от эмпирического содержания знания – это, действительно, наиболее важные проблемы, ради решения которых и была разработана система трансцендентальной философии Канта, представленная в упомянутом сочинении. Главный вопрос – как возможны синтетические суждения априори? – это вопрос о познаваемости условий возможного опыта[2]. То есть, о том, какие структуры возможно выделить в связи с процедурами, осуществляемыми нашим разум для формирования определённых представлений о мире. Кант рассматривает структуру познающего разума, исследует то, какие его способности участвуют в познании и посредством этого даёт ряд возможных ответов, касающихся природы априорно синтетических суждений.

Хотя Кант и полагал свою систему завершённой и непротиворечивой, всё же по ряду аспектов его системы возникало немало дискуссий и вопросов.

---

[1] См.: - Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант ; пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: издательство «Э», 2016. – 736 с. – (Антология мысли).;

[2] См.: - Там же - с. 56

Так, в начале двадцатого веке, в рамках аналитической философии языка вновь поднимается проблематика априоризма. Разработанные под лоном данной проблематики теория значения Фреге, анализ априоризма Бертраном Расселом и Солом Крипке – вот приведенные здесь варианты исследования априоризма. И, пожалуй, проблему данного исследования можно сформулировать уже на данном этапе. Являются ли исследования проблемы априори, приведенные в данной работе, действительно касающимися проблемы априори? Не является ли вопрос об априорности лишь попыткой через кантовскую проблематику анализировать совершенно иной спектр проблем, отводя априоризм на второй план? Разнообразие подходов и невозможность дать окончательный ответ на вопрос об априоризме, пожалуй, уже демонстрирует насколько проблема, исследуемая в данной работе актуальна для философии.

Степень разработанности проблемы.

Источники, послужившие теоретической опорой для данного исследования, можно разделить на два вида. Первые – это те источники, которые иллюстрируют или проясняют позицию самого Канта. Это непосредственно сочинения самого Канта - «Критика чистого разума»[3], «Пролегомены ко всякой будущей метафизике…»[4]. Также иные тексты, несколько проясняющие некоторые аспекты системы Канта – В.В. Васильев «Подвалы Кантовской метафизики»[5].

Второй тип источников – это преимущественно работы, аналитических философов рассматривающие априоризм Канта в свете проблем философии

[3] См.: - Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант ; пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: издательство «Э», 2016. – 736 с. – (Антология мысли).;

[4] См.: - Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 5 – 153;

[5] См.: - Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий) / В.В. Васильев – М. «Наследие». – 1998. С.160;

языка. Это работы Бертрана Рассела[6], Готлоба Фреге[7], Сола Крипке[8], Соколовой Татьяны Дмитриевной[9], посвящённые априорно синтетическим суждениям, проблемам тождества и необходимости и т.д.

Объект и предмет исследования

Обозначив ранее проблему данного исследования об объекте и предмете можно сказать следующее. Объектом являются положения и взгляды Иммануила Канта, а также его критика в аналитической философии. Предметом же являются априоризм, априорно-синтетические суждения и взгляд на них с точки зрения указанных мыслителей.

Цель и задачи исследования

Целью данного исследования является анализ наиболее значимых работ Иммануила Канта, в которых репрезентируется тема apriori для их последующего сравнения с наиболее значительными концепциями, которые составляют корпус идей, обозначенный здесь как «аналитический подход к априоризму, который в свою очередь демонстрирует то, как одна из классических тем в философии может способствовать появлению новых дискуссий и проблематик.

Согласно указанной цели данного исследования, задачи могут быть сформулированы следующим образом:

1) Эксплицировать априоризм, изложенный в вышеуказанных работах Иммануила Канта. Продемонстрировать, почему же априоризм Канта - это одно из наиболее неоднозначных мест в изложенной им трансцендентальной философии?

---

[6] См.: - Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000.

[7] См.: - Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: Сб. тр. М., 2000. С. 230–247.

[8] См.: - Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике вып. 13; М. «Радуга». – 1982. С. 340-376

[9] См.: - Соколова Т. Д. Понятие a priori в современной аналитической эпистемологии // Институт философии РАН 2021, URL: https://iphras.ru/uplfile/aspir/autoreferat/sokolova/autoref.pdf

2) Дать характеристику новым подходам к априоризму в работах философов Г. Фреге, Б. Рассела и С. Крипке. И, какие места в концепции Канта были пересмотрены этими исследователями – это вопрос, на который в связи с этим предстоит ответить.
3) Сопоставить указанные выше позиции – с позицией самого Канта. Выяснить, правомерна ли критика и пересмотр идей Канта осуществлённая этими исследователями?

Положения, выносимые на защиту

Экспликация априоризма И. Канта, осуществленная посредством анализа его работ, показала, что его априоризм имеет ряд неоднозначных мест и допущений и, одновременно с этим, является главенствующей темой его философии, остальные темы которой – эстетика, этика, философия права, в ряде аспектов отсылают к ней как к основополагающей.

Анализ подходов к проблемам априорного знания в работах Г. Фреге, Б. Рассела и С. Крипке продемонстрировал, что ряд мест, относящихся к пониманию априоризма Кантом (такими, например, являются аналитические/синтетические суждения, априорное/апостериорное знание и т.д.) был пересмотрен в работах указанных исследователей, в связи с чем ими были предложены возможные решения проблем кантовского априоризма.

Сопоставление указанных выше позиций с позицией самого Канта показало, что пересмотр и критика предложенного им варианта априоризма в работах этих мыслителей правомерна.

Методологическая основа.

Методологическими основами для обозначенных ранее задач, будут методы исторической и рациональной реконструкции. Во второй части работы используются также методы сравнительного анализа для сопоставления взглядов разных философов. Также активно применяются метод мысленного эксперимента.

Глава 1. Априоризм в Критике чистого разума

Во втором введении к «Критике чистого разума», Кантом указывается разделение его философии на теоретическую и практическую философии, на основании той деятельности, которую осуществляет наш разум.[10] Кантом в «Критике чистого разума», также была приведена своего рода, «структура» разума. Данная структура, выражала собой формальное описание того, как функционирует наш разум[11]. И в следствии такого описания были выделены базовые принципы, основоположения на которых и выстраивается разум. Именно основываясь на структуре разума, Кантом и было предложено разделение, исходя из того, какие дисциплины исследуют ту или иную область познавательной активности разума.

Здесь стоит указать также на то, что теоретический разум связан с познавательной активностью, где познающий разум обращен к чувственным данным и подчинен законам природы. Практический разум же связан с этикой и правом и соответствующими принципами. Если, как было сказано, теоретический разум подчинен законам природы, главной чертой которого является опора на «эмпирический опыт» являющимся, согласно Канту, источником наиболее достоверного знания, то практический разум в своей деятельности руководствуется идеей свободы, а в поступках различными предписаниями, такими как максимы и императивы[12], основания которых заложены в области разума, отвлеченной от эмпирического содержания познания.

---

[10] См.: Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант ; пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: издательство «Э», 2016. – 736 с. – (Антология мысли).; с. 58См.: Там же – с. 19

[11] См.: Пушкарский А.Г. Кант, Гёдель и проблема синтетических суждений apriori // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 3. С. 46

[12] См.: Льюис К.И. Прагматическая концепция a priori // Эпистемология и философия науки. 2014. № 4. С. 222-231.

Также стоит добавить, что вся философия Канта как практическая, так и теоретическая, является трансцендентальной философией[13], то есть предметом исследования которой должны быть, своего рода, основополагающие принципы, структуры, лежащие в «недрах» деятельности нашего разума. То есть, как следствие из выше сказанного, теоретическая трансцендентальная философия занимается принципами познающего из опыта разума, практическая трансцендентальная философия же занимается основанием того, чем мы руководствуемся, когда следуем правовым законам, моральным предписаниям, религиозным догматам.

Упомянутая ранее «Критика чистого разума» была посвящена как раз таки основаниям познающего разума или, знаменитым ответам на вопросы: «Как возможна чистая математика?», «Как возможна чистая физика?», «Как возможна метафизика?» направляющих по сути все исследование в рамках данной работы.[14] Одна из наиболее примечательных и важных для нас будет в данной работе та её часть, где дается ответ на крайний вопрос, который имеет также другую формулировку – «Как возможны синтетические суждения априори?». Здесь присутствуют, как не трудно заметить такие понятия как «синтетический» и «apriori». Собственно говоря, что они значат?

Синтетическим по Канту является такое отношение между субъектом и предикатом, где предикат, приписываемый субъекту, находится вне понятия этого субъекта и этот вид суждений противопоставляется аналитическим, где предикат находится в субъекте. Аналитические суждения, поскольку их предикат уже мыслится в субъекте, ничего не прибавляют в познании.[15] Синтетические, напротив, имеющие предикат во вне, являются формальным выражением нового знания.[16] Так, в качестве примера аналитического суждения, будет, по Канту, «Все тела протяжены», поскольку в данном случае

---

[13] См.: Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант; пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: издательство «Э», 2016. – 736 с. – (Антология мысли).; с. 58См.: Там же – с. 20

[14] См.: Там же – с. 53

[15] См.: Там же – с. 47

[16] См.: Там же – с. 47

незачем выходить за пределы понятия «тела», чтобы помыслить его протяжённость. Примером же синтетического будет «Все тела осязаемы» так, как здесь мы выходим за пределы понятия «тела».[17]

Обозначив различие между синтетическим и аналитическим, стоит перейти к следующим затронутым концептам, а именно к apriori и aposteriori. Априорным по Канту является всякое знание, которое мы привносим как познающие субъекты в акте познания. Это знание не имеет источника в чувственном опыте, не подтверждается эмпирически, но оно делает возможным эмпирическое как таковое и «оформляет» наш чувственный опыт, является, если угодно, «предпосылочным знанием».

И поскольку, Кантом в «Критике чистого разума» исследуется тематика познания, его достоверности, то рассмотрение метафизических вопросов для Канта переформулируется в вопрос о существовании синтетических суждений apriori, то есть в вопрос о релевантности приобретенного вне опыта знания и об основаниях всякого нашего знания. Также примечательно, что в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике…» он отмечает, что критика была преимущественно посвящена исследованию опыта, то есть, как я и отметил ранее, синтетическим суждениям.

Это представляется наиболее важным для нас, когда мы обратимся к таким концепциям Канта, как эмпирическая и трансцендентальная свобода. Как раз-таки, эмпирическая свобода, или по словам Канта практическая свобода, может быть доказана на опыте, то есть апостериори. Кант поясняя это, говорит о том, что людям свойственно поступать согласно не природным принципам, а совсем иного рода мотивациям. Поступки согласно выгоде, долгосрочной перспективе, социальному положению, - всё это суть то, что относится к практическому применению разума, не теоретическому. Такая свобода, по мысли Канта, означает то, что воля способна определять саму себя,

[17] См.: Там же – с 47

игнорируя или подавляя, обусловленные физиологией чувственные порывы человека. Нетрудно заметить, что, говоря об эмпирической свободе, Кант говорит о таком её понимании, которое нам стоит трактовать, как обыденное, то есть такое, в котором раскрывается использование понятия свободы в повседневности. Но, любопытно то, что им также выделяется и трансцендентальная свобода, как о трансцендентальной идее разума, которая во введение называется им метафизической и приводятся в купе с другими идеями - Бога и бессмертия души. Это будет затронуто нами позднее, когда мы будем рассматривать попытки анализа априоризма Канта в аналитической философии.

Возвращаясь к синтетическим суждениям и аналитическим суждениям, также необходимо отметить еще одну особенность, несомненно важную для понимания того какое место занимают синтетические суждения априори в системе И. Канта. Это конечно же, своего рода, «разделение» познающего разума на чувственность, рассудок и разум. И на данном этапе может возникнуть вопрос, касательно этого специфического «деления» разума. Ведь может показаться очевидным, что непосредственно мы имеем дело всё-таки с целостным разумом, вернее вряд ли мы могли бы представить возможность такого состояния, когда нам доступна одна лишь из его «способностей». Не создает ли Кант таким образом, если так можно выразиться, «псевдопроблему», осуществляя попытку поиска основания для синтетических суждений априори через гипотетическое разделение разума на его способности, коих мы не можем испытать на опыте и, как следствие с уверенностью говорить о легитимности этого разделении?

Прежде чем ответить на этот вопрос, от которого напрямую зависит наше исследование об основаниях, стоит вероятно поискать ответ в структуре этого разделения и посмотреть, как Кантом соотносятся его собственные рассуждения о структуре разума с тем, что собственно этим разумом познается. И насколько это разделение является «строгим».

Стоит сказать, что указанное членение разума у Канта сугубо «формальное». И вот почему. Дело в том, что в самом начале «Критики чистого разума», после предисловия если быть точнее, Кантом приводится анализ «чувственной способности» или «чувственности». На уровне «чувственности», «разум», в процессе познания «сущего» (так называемой, реальности, предметов, объектов и т.д.) воспринимает его как множество созерцаний, становящихся доступными ему в виде явлений.[18] Предметы познаются, по Канту, не такими какие они есть, поскольку воспринимаемое чувственностью, уже предстает как «оформленное». Иными словами, в него включены априорные формы чувственности, которые являются элементами структуры нашего разума. Априорные формы чувственности Кант обозначает как «пространство» и «время», то есть представления о предмете как имеющего определенное положение и момент.

Но проблема в том, что чувственной способности недостаточно для познания. Стоит сказать, что, хотя чувственность выступает как коррелят «достоверности» знания, она не дает нам знания как такового. Чувственные данные представляют собой некоторую беспорядочную массу созерцаний, которая в силу своей беспорядочности, не может быть законченным знанием. Ему необходимо некоторое единство, дабы обрести законченность, которая не может быть имманентной (присущей) чувственности.

И поскольку, как было указано, на уровне чувственности мы имеем лишь несчетное множество случайных созерцаний, перцепций, что бы появилось некоторое знание, необходимо нечто в сознании приводящее это многообразие к некому общему, к понятиям и суждениям, опирающимся на эти понятия. И Кант находит это обобщающее единство в синтезе посредством способности воображения, которая есть способность представлять предмет даже без его присутствия в созерцании. Это есть ничто иное, как схватывание

[18] См.: Там же – с. 69

ряда представлений с последующим их синтезом. Сам «синтез», как процесс при этом не представляет собой «окончательно сформированного знания»[19].

Окончательно сформированным, он становится, когда с синтезом начинает «работать» рассудок. Рассудок представляет собой «способность мыслить», «способность составлять суждения». Эта функция выражается в подведении посредством способности воображения синтеза ряда созерцаний к априорным формам рассудка. То есть, синтез ряда представлений, тоже «оформляется» посредством этих априорных форм рассудка или категорий. В результате мы посредством суждений можем выразить некое знание, основанное на данных чувственности как коррелят достоверности.

Обобщая выше сказанное, как отмечает сам Кант, фактически все его рассуждения в «Критике чистого разума», точнее в той части ее, где идет речь о чувственности и рассудке, им решается проблема, поставленная еще Юмом, а именно проблема причинно-следственных связей и опыта как такового[20]. Как указывает Васильев В.В., Юм «пробудил Канта из догматического сна», актуализацией проблемы причинности в опыте, которая Кантом ранее, до Критики не затрагивалась.[21] Если верить Канту, наш разум способен некоторым образом «возвыситься» над опытом посредством суждений, к этому опыту же не отсылающих. Это значит, что зачастую мы пытаемся представить себе своего рода полный «ряд», целокупность как нам кажется всего, что нам явлено в опыте, в чем-то объединяющем, но отринувшем чувственность как достоверность и работая исключительно с абстракциями.

Это обобщение происходит посредством «движения разума» от категорий рассудка к идеям разума. Идеи разума, суть продукт чистого применения разума, то есть, разума в том его проявлении, где мы отвлекаемся от сферы возможного опыта, от многообразия эмпирических данных и

---

[19] См.: Там же – с. 72

[20] См.: Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 25

[21] См.: Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий) / В.В. Васильев – М. «Наследие». – 1998. - С. 28

пытаемся рассуждать в области абстракции. Все возможные рассуждения данного рода, могут быть сведены к 3-ём идеям разума – мира в целом, души и Бога. Из идеи мира в целом Кантом выводится идея свободы, как раз-таки непосредственно то, на что стоит обратить внимание и позже будет показано почему.

Таким образом, высказанное ранее «опасение» по поводу того, что Кантом якобы формируется псевдопроблема, неоправданно в силу того, что разделение разума Кантом отсылает к том, что разум сам по себе не является разделенным. Скорее он показывает корреляцию между способности познающего разума, которые мы можем обнаружить, с тем какие аспекты сущего (того что есть) разум познаёт.

Важную особенность кантовской идеи «свободы» как атрибута или части структуры мышления ставит во внимание Ханна Арендт в своих «Лекциях по политической философии Канта».[22] Ею указывается на особое присутствие у Канта свободы как не некой абстрактной концепции, громко заявляющей о своей необходимости при функционировании законов и на деле не имеющей особого значения, так как легко ставится под сомнение, дискредитируется обыденным опытом, а как неотъемлемой части нашего мышления, являющейся тем основанием для всякого нашего взаимодействия в социуме. Из этого можно сделать вывод, что всякое действие, противоречащее положению, основанному на свободе индивида, противоречит самой природе человека[23]. То есть Арендт, хотя и не совсем точно воспроизвела то, что Кант имел ввиду под «свободой», уловила здесь всё-таки один из важных мотивов высказанным Кантом, преследуя который, он задумывал свою практическую философию – выявить основания морали и права непротиворечащие как таковой «природе» человека.

---

[22] См.: Арендт Х. Лекции по политической философии Канта / Х. Арендт ; под ред. В.М. Камнева, Ю.В. Перова и др., пер. с англ. А.Глухова – СПб.: Наука, 2011. – 303 с. – (сер. «Слово о сущем»);

[23] См.:Арендт Х. Лекции по политической философии Канта / Х. Арендт ; под ред. В.М. Камнева, Ю.В. Перова и др., пер. с англ. А.Глухова – СПб.: Наука, 2011. – 303 с. – (сер. «Слово о сущем»); - с. 37

К идее «свободы», «разум» приходит в результате движения от категорий «в стремлении к абсолютизации» к собственно трансцендентальной идее «мира в целом» как законченного ряда всех условий, при возникновении собственно антиномий разума – вида «умствующих» заключений. Для перехода к идее, как отмечает Кант, «подходят не все категории», а «только те, что образуют ряд», то есть ряд некоторых представлений, которые посредством установления причинности и поиска абсолютной причины и приводят нас к рассуждениям о свободе как принципе.

Идея свободы возникает в рамках приведенной Кантом антиномии о причинности в мире. «Задается ли каузальность исключительно законами природы или имеется также каузальность иного рода?» - в этом, как нам кажется, выражается суть вопроса, связанного с антиномией. Кантом указывается в рамках рассмотрения данной антиномии, возможность выделить идею свободы, как:

а) нечто противоположное природному миру;

б) как причинность, характер которой создает видимость возможной законченности ряда, но на деле она суть спонтанность;

в) невозможно доказать на опыте, основанном на законах природы наличие или не наличие конкретного проявления свободы, она существует лишь как идея разума.

То есть, если суммировать все вышесказанное, можно сказать что Кантом, благодаря акцентированию внимания на идее «свободы», как основанием для морали и права, выделяется область «действия» человеческого разума, а именно область где не существует детерминированности по законам природы и, следовательно, не затрагивается в познавательной активности человека. Это значит, что все проявления разума, связанные с этой областью природе не подчинены, и зависят лишь от разумной ноуменальной – (противоположной феноменальной, то есть, если угодно

«вырванной из сферы возможного опыта, сферы законов природы) сущности человека, одним из выражений которой является его свобода[24].

Завершая рассмотрение «свободы в «Критике чистого разума», я хотел бы обратить внимание на любопытный момент, где Кант говорит о соотношении морали и законов природы. Как ни странно, этот отрывок находится во введении, где Кант утверждает, что, можно допустить возможность помыслить эмпирическую свободу, если рассматривать «вещи» в предложенном Кантом «двояком смысле» - как предмет теоретической философии и как практической. Кант здесь как раз хочет сказать, что свобода конечно является трансцендентальной идеей разума, которая «сама по себе» не может каким-либо образом выводиться из опыта. Но тем не менее, поскольку такая вещь, имеет возможность быть рассмотренной с точки зрения законов природы и с точки зрения постулатов «чистого разума», за неким лицом остаётся возможность высказываться о свободе некой вещи (объекта) или подчиненности этой вещи законам природы. Не порождая при этом, само собой, как бы две разные вещи – объект теоретической философии и практической. Это возможно, так как вещь или объект, остаётся вещью в себе, которую наш разум рассматривает с этих двух позиций – теоретической и практической. Это запутанный на первый взгляд момент будет в дальнейшем прояснён и использован при анализе Кантовской практической философии.

В рамках нашей темы приведённый Кантом взгляд на свободу как на одну из трансцендентальных идей особенно важен, так как именно на её примере ясно показывается как различаются априорности, суть которой изложена в «Критике чистого разума» и в рассматриваемых в данной работе философов представителей аналитической философии. А показывается как раз таки та особенность, которую мы обозначили ранее как «отвлечение от данных чувственного опыта». Согласно Канту, наш разум приходит к известным трансцендентальным идеям, минуя «путь» через чувственную способность,

[24] См.: Там же – с. 471

способность рассудка к трансцендентальной диалектике разума. Обратное же выведение из идей разума, из антиномий, паралогизмов - апостериорных положений невозможно. Наш разум здесь обретает автономию и оперирует исключительно абстрактными понятиями и положениями и, опираясь на собственную трансцендентальную «логику», устанавливает между ними отношения. Одним из таких отношений может быть тождество. Например, тождество, выражающее собой отношение между математическими понятиями, также отвлечено по Канту от содержания эмпирики. Однако наш разум имеет возможность даже выстраивать целые непротиворечивые системы из подобных объектов. И это происходит в точности так же как и в случае со свободой. Отвлекаясь от данных рассудка и чувственности наш разум пользуется исключительно абстрактными понятиями, правомерность использования которых задаётся цепью отношений и правил задаваемых самим разумом. Также свобода диктует или предоставляет некий ориентир для индивида в виде долга, чему в зоне чувственности и рассудка нет основания.

Рассмотрев положения Канта, связанные с априорностью мы можем задаться вопросом. Ведь даже самим автором системы трансцендентальной философии не отрицается, что система строится на массе допущений. Однако допущения, как раз и вызывают интерес у исследователей, что мотивирует их предлагать средства для более детального рассмотрения допущений или даже возможностей обойтись и без них. Далее мы рассмотрим уже более современные концепции априоризма, разработанные исходя из новой (относительно кантовской системы) проблематики – проблематики аналитической философии языка.

Глава 2 Фреге и Рассел об априорности

Глава 2.1 Концепция Г. Фреге

Немецким логиком Г. Фреге в его статье «О смысле и значении», был высказан ряд положений касательно априоризма и отношений тождества. А именно, Фреге задаётся вопросом, между чем обычно выстраивается такое отношение, между именами объектов, между самими объектами или между их значением[25]? Им рассматривается два вида тождества a=a и a=b в качестве имеющих разную познавательную ценность. То есть, суждения вида a=a – по Фреге относятся к априорным аналитическим суждениям, которые ничего не прибавляют к нашему познанию[26]. Примером такого суждения может быть «Солнце – звезда в солнечной системе». Известно, что Солнце – это как раз таки звезда в солнечной системе. Знание о том, что «Солнце» - это звезда в солнечной системе» является аналитическим, поскольку то, что Солнце звезда мы знаем априори и это может быть частью определения понятия Солнца. Знание же о том, что «Солнце – наиболее ближайший к нам жёлтый карлик» уже будет синтетическим. Оно всё же прибавляет к нашему знанию что-то новое. Аналитическое суждение, используя переменные, может быть записано как «a=a». Синтетическому соответствует запись «a=b». Но что в таком случае эти записи означают? Какое именно тождество они выражают и между чем?

Фреге отвечает на этот вопрос следующим образом. “a” и “b” – это имена. Также именами по Фреге являются «Солнце», «самый близлежащий к нам жёлтый карлик», «нынешний президент Америки», «Король Артур» и т.д. Имя – это то, как нечто изображается, или его, то есть этого «нечто», форма, репрезентация. Если взять пример с Королём Артуром, то имя Король Артур будет иметь своим предметом, то есть тем к чему отсылает это имя, конкретный сегмент реального мира: или персонажа из знаменитых

[25] См.: Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: Сб. тр. М., 2000. С. 230–247.
[26] См.: Там же – с. 231

англосаксонских легенд или реально существовавшего короля Артура, т.е. человека (если таковой конечно был). С другой стороны, имя «король, который был смертельно ранен мятежным рыцарем Мордредом» также отсылает к упомянутому персонажу или историческому лицу. Существовал король Артур или нет, мы можем сказать лишь, что если он существовал, то суждение о его существовании будет истинным, а если нет – то ложным.

Но взглянем более пристально на «Имя». Имя как таковое, без сопутствующих ему атрибутов будет несколько обезличенным, оно не может отсылать к чему-либо без определенного наполнения. Если человек, не знающий русского языка увидит написанное на бумаге слово «Солнце», будет ли он думать о нём как о Солнце, и сможет ли он вообще считать это единицей языка? Видимо, без дополнительных языковых средств, имя для такого гипотетического человека не будет значить ничего.

Не может также имя быть тем, между чем устанавливается отношение тождества. Поскольку имя, как мы ранее указали, лишь «изображение предмета».

Не может тождество быть и отношением между предметами. Поскольку в случае тождества между предметами, запись «a=a» и «a=b» не различаются. Если первая запись говорит нам о том, что предмет является самим собой, то вторая должна сообщать, что отношение указывается между разными явлениями. В случае с «Солнцем» и «ближайшим к нам жёлтым карликом» предмет на который указывают эти имена один и тот же. Соответственно, отношение «a=b» не относится к предмету. Тогда к чему же?

Фреге вводит в оборот так называемую категорию «смысла имени». И так, имени соответствует некий смысл, которому соответствует определенный объект (или предмет), являющийся его значением[27]. Таким образом, пример с Королём Артуром и «королём, который был смертельно ранен мятежным

[27] См.: Там же – с. 236

рыцарем Мордредом», говорит нам о том, что значение у них может быть одно и то же, но смысл при этом, как показано, разный.

Проблему априорности, можно сформулировать так – каким образом различаются суждения a=a и a=b если их значение совпадает? То есть, как могут совпадающие по своему значению априорно-аналитические суждения и априорно-синтетические суждения оставаться разными типами суждений? Ответ Фреге кроется в предложенной им теории значения. Такие суждения хотя и могут быть об одном и том же, но представляться по итогу будут различными способами. Фрегианский анализ предложений и переложение его теории значения на этот анализ проясняют этот тезис более явно. Значением предложения является его истинностное значение. То есть, если факты говорят о том, что сказанное в предложение имеет место, значит оно будет истинным. Обратное будет говорить о противоположном истинностном значении.

Глава 2.2 Рассел об априорных и апостериорных суждениях

Тематика априорного и апостериорного знания, на наш взгляд, предполагает ряд определенных, устоявшихся нарративных особенностей, прослеживающихся в моменте её экспликации. То есть, об этом невозможно рассуждать, не прибегая к более детальному анализу позиции И. Канта, предложившего в своей работе «Критика чистого разума» анализ апостериорного и априорного знания, что придало этой теме статус основополагающей, как для разработки системы трансцендентальной философии Кантом, так и для последующих философских дискуссий. В данной части работы будет представлен и подвергнут анализу взгляд на априорность, высказанный Б. Расселом. в труде «Проблемы философии»[28]. Выбор напрямую связан со структурой указанной книги, которая предполагает краткое введение в наиболее важные проблемы философии и с тем, что Рассел посчитал нужным выделить именно априорное знание как одну из значимых для философии тем. Но прежде чем приступить к «Проблемам…», необходимо обратиться к аспектам позиции И. Канта, необсуждённым ранее, поскольку Рассел в своей книге отсылает именно к ней, анализируя априорность.

Мы знаем, что в «Критике чистого разума Кант характеризует априорное знание и апостериорное знание следующим образом. Им полагается, что наше познание зависит от «структуры» нашего разума[29]. То есть, если мы обратим внимание на, то как разум себя проявляет, как и с помощью чего он обращается к «миру», то есть, несколько упрощая, к «вещам», то на основании этого мы можем также понять то, как устроено наше познание. Стоит сказать, что Кант приводит в своей работе два возможных взгляда на познание и истину – это позиция эмпиризма и рационализма. Эмпиризм полагает, что источником нашего знания, (достоверного знания, главным образом) может

[28] См.: Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000.

[29] Пушкарский А.Г. Некоторые проблемы аналитических и синтетических суждений в истории логики // Вестник Балтийского федерального университета им.И.Канта. – №12. – 2012. – С. 124.

быть лишь наша чувственная способность и чувственные данные, сконструированные нашей чувственной способностью посредством воздействия внешнего мира на неё. И способом подтверждения истинности того или иного факта будет являться эмпирический опыт.

Взгляд же противоположный позиции эмпиризма, именуется рационализмом. Данная позиция базируется на идее, что существуют способы подтверждения достоверности факта помимо эмпирического опыта. Источником достоверного знания, а также коррелятом истинности будет являться разум и последовательное мышление, рефлексия. Разум, путём последовательных мыслительных операций приходит к истинным положениям.

Таким образом, рационалисты выступают за то, что при анализе познания, поисках коррелята истинности или ложности стоит делать упор на априорное знание, так как именно оно является условием нашего познания, именно от него зависит то, с какими фактами мира мы имеем дело. Сами факты, в некотором роде, конструируются посредством нашей мыслительной способности[30]. Эмпирики же напротив утверждают, что истинным может быть лишь апостериорное знание, то есть непосредственно воспринятый факт из внешнего мира[31]. И мы не можем с точностью утверждать что-либо касательно положения вещей в мире, если это не основано на эмпирическом опыте, то есть на том, что можно было бы воспроизвести неоднократно и это было бы доступно для восприятия нашими органами чувств или, следуя терминологии Канта, нашей «чувственной способностью».

Обе этих позиций имеют ряд как сильных сторон, так и слабых. Кант попытался примерить их, предложив концепцию познания, в которой «слабые стороны» устраняются. Одна из слабостей эмпиризма, например, в том, что неясно как огромный массив из отдельных чувственных данных оформляется

[30] См.: Там же – с. 215
[31] См.: Там же – с. 217

для нас в тот или иной конкретный опыт. Если мы опираемся лишь на эмпирический опыт, на непосредственно воспринятые факты, получаем ли мы в итоге «знание» или перехода от простого факта к «знанию» нет в случае ограниченности областью эмпиризма? То есть имеет место ощущение, что эмпиризму чего-то не хватает.

Обратим же наше внимание на позицию рационализма. Если мы полностью устраним эмпирическое, как коррелят истины, признав, что наш познающий разум способен добраться путём чистого абстрактного размышления до истинных положений, то можем ли мы вообще утверждать, что мы имеем дело с некими положениями, высказанными о чём то, помимо неких абстрактных объектов, порождёнными нашим мышлением. Не будет ли наш разум бесконечно конструировать эти объекты, так и не добираясь до достоверного факта, то есть до чего-либо несомненного. И здесь возникает чувство, что будто чего-то не хватает.

Кант понимал эти недостатки, также понимая и то, что представители этих позиций в чём-то всё же правы. Поэтому, Кант предложил в «Критике чистого разума» систему трансцендентальной философии, как объединяющую в себе систему двух этих позиций. Согласно ему, наш разум, действительно на определенных «этапах» имеет перед собой некий массив из чувственных восприятий, при этом невозможно с точностью утверждать, что те или иные чувственные восприятия собираются в определенный факт и являются единственно верным положением вещей в мире. Эти чувственные восприятия предстают перед нашим разумом уже оформленными. То есть факт в некотором смысле присутствует ни строго во внешнем мире, ни как часть объективной реальности, ни как что-то отдельно существующее вне нас и ни как лишь только порождение нашего сознания, а как нечто лежащее «между» «реальностью» и нашим разумом.

Примирив позиции эмпиризма и рационализма, Кант также несколько модернизировал структуру нашего познания. Он, употребив такие

понятия как аналитическое и синтетическое указал на то, что познание не может ограничиваться одной из приведенных полярностей. Синтетическое отношение между предикатом и субъектом – это такое отношение, где предикат мыслится вне субъекта. То есть, когда мы утверждаем, например, «Снег белый» мы имеем дело с синтетическим суждением. Когда мы утверждаем, что «Снег – это осадки», мы имеем дело с т.н. аналитическим суждением, где предикат уже присутствует в самом субъекте и никакого нового знания не образуется.

С этим связан главный вопрос, ответом на который и стала «Критика чистого разума». Синтетическое знание – это как раз-таки новое знание, образующееся путём сопоставления разных объектов, и приписывания одному объекту, характеристику из другой объектной области. Если в случае апостериорного знания, знания основанного на чувственном восприятии, понятно, как образуется новое знание, и имеют место очевидные примеры такого знания (пример со снегом как раз таковым является), то является ли возможным синтетическое априорное знание? Это главный вопрос для Канта, связанный со структурой самого разума. Абстрактные, общие суждения являются для Канта и рационалистов значимыми для познания, они являются результатом деятельности разума, когда он, отвлекаясь от чувственного наполнения «фактов» имеет дело лишь с «чистыми», абстрактными формами.

Зона «чистых» форм – идей разума - это триумвират из идеи мира в целом, идеи души и идеи Бога. И для Канта важно, как образуются подобные идеи и какие особенности нашего разума, связаны с их образованием.

Подытожив, априорность по Канту связана с определенной структурой нашего разума, которая предлагается системой трансцендентальной философией Канта, и которая проявляет себя в его познавательной активности. Априорными будут, таким образом, определенные структуры, абстракции, которые выражаются посредством априорных суждений и заведомо присутствуют во всякой нашей попытке описать некие факты познания,

поскольку являются «отпечатком» действий познающего разума. Является весьма занятным тот момент, что по Канту – область применения нашего разума – это отвлечённые от эмпирического содержания абстракции, где суждения познающего разума относятся к общим положениям, являющихся априорными по отношению к суждениям рассудка и чувственности. Как мы помним, три идеи разума, три своего рода образца, на которые ориентируется познающий разум и к которым он неизбежно приходит, осуществляя свою деятельность - это идеи мира в целом, Бога, и души. Они являются закономерным выводом чистого разума и заключают в себе «процедуры», которые осуществляет разум на этом уровне познания.

А именно – идее души соответствуют, по словам Канта «умствования, которые могут быть названы трансцендентальным паралогизмом». Паралогизмы – это неверные по форме суждения с любым содержанием. Трансцендентальный паралогизм по Канту– это таким образом, ряд априорных суждений, которые неизбежно приводятся нашим разумом, исходя из его попыток привести в некоторое единство, оформить понятие субъекта, исходя из его заранее установленной многообразности. То есть, кант в предыдущих частях рассматривал рассудок и чувственность как наиболее достоверные источники суждений о чём бы то ни было. На этих уровнях, субъект предстаёт перед нами как нечто множественное, мы лишь можем говорить о разных особенностях и характеристиках субъекта. О субъекте как о целом, мы достоверно говорить не можем, так как это представляет собой всегда обобщение указанных выше характеристик. Как можно заметить, Кант считает, что рассуждения о субъекте неизбежны. Трудно представить такую дискуссию, когда вместо понятий субъекта, души, и т. д. Собеседниками раз за разом перечисляются множественные характеристики, соответствующие, имеемым в виду конструкциям. Мы просто так не говорим, нашему разуму удобнее отвлекаться от колоссального набора особенностей и употреблять объединяющие их понятия. Это является несомненным, что такие суждения,

будут не столь точными, нежели суждения рассудка, перечисляющие все характеристики того, что имеется ввиду, но остаются неточности, из-за которых наш разум готов пойти на ложные рассуждения.

Та же ситуация и с идей мира в целом, когда разум имеет пред собой суждения, описывающие целокупный ряд причин, из которых выводится закономерный вывод, направленный, можно сказать, на высказывание определённого взгляда о чём бы то ни было, то есть некой позиции. Кант говорит, что всегда найдутся суждения противоположные высказанному нами взгляду вследствие чего наш разум находится в состоянии заблуждения, но это заблуждение необходимо. Кант говорит о знаменитых антиномиях разума, например – человек свободен/человек не свободен, мир имеет начало во времени и ограничение в пространстве/мир бесконечен в пространстве и времени.

Для нашей проблемы — это может представлять следующий интерес. Априорно-синтетическими суждениями, согласно Канту, являются истины математики. То есть a+b=c – это априорно-синтетическое суждение. И можно сказать, что оно априорно, поскольку всякий раз применяя это правило мы имеем ввиду, что при сложении одного числа с другим мы получим другое число, являющееся суммой слагаемых. Наш разум применяет это правило и применять правило «a+b = a» он не может (если b не равно 0). Синтетическое же оно постольку, поскольку представляет собой своего рода правило, отвлечённое от эмпирического содержания познания, то есть от зоны разума ограниченной возможным опытом и имеющей цель квантифицировать некоторые возможные проявления разума в виде принципа, приписывающего определенные связи случайным элементам, обусловленные природой познающего разума.

Нами была обозначена ранее важная роль априоризма и вытекающих из него проблематик для философии. И, пожалуй, наиболее показательной демонстрацией этого, является анализ идеи априорности, осуществленный

Расселом. Рассел в своей книге «Проблемы философии» затрагивает априоризм, в тех моментах, когда речь заходит о предпосылочном знании, то есть о роли законов, на которые мы всякий раз указываем, когда необходимо обосновать то или иное положение, в нашем познании. Помимо указанного, важен также вопрос о том, как мы приходим именно к тем или иным законам, есть ли способ или метод отбора наиболее предпочтительных и достоверных или это лишь дело привычки или традиции?

Обратимся к охарактеризованному нами ранее спору эмпириков и рационалистов, которому также уделяется особое внимание в работе Рассела. Рационалисты кажется правы, что те законы или общие принципы, которые мы ранее привели в пример, невозможно вывести из опыта. Значит они имеют некую «внеприродную» или «внеопытную» сущность. И рационалист скорее всего придёт к выводу о том, что общие принципы каким-то образом «заложены в структуре нашего разума» и в области опыта им нет места. Но несмотря на это, эмпирики всё же уверяют нас в том, что не стоит умалять роль опыта в «открытии общих принципов». Общие принципы и законы каким-то образом применяются в анализе опытных данных и исходя из наших целей мы делаем определенные умозаключения, отсылающие к данным опыта[32]. Как объяснить связь между данными опыта и абстрактными законами в таком случае? И есть ли она?

Рассел полагает, что о существовании явлений об их необходимости мы можем заключать лишь в рамках эмпирического познания.[33] В рамках рационального познания, то есть познания априорных структур мы устанавливаем лишь гипотетические связи между явлениями. То есть, прежде чем говорить о чём-то, мы должны полагать что это есть, и это действительно является предметом наших суждений. И только после этого мы можем устанавливать определенные связи между фактами. Рассел приводит в пример

[32] См.: Там же - с. 220
[33] См.: Там же – с. 221

этику и затрагивает тем самым знаменитую «Гильотину Юма», проблему перехода от суждений со связкой «есть» - то есть суждений о существовании, к суждениям со связкой «должен» - то есть к нормативным суждениям. Представим ситуацию. Мы оцениваем безвозмездную помощь как добрый поступок. Джеймс безвозмездно помог Джонсу вспахать поле. Джонс был счастлив. Поэтому совершать безвозмездные поступки по отношению к другим — это хорошо и необходимо, поскольку это приводит к счастью. В свете ранее высказанного, мы не можем утверждать с необходимостью то, что безвозмездный поступок приведёт к счастью, поскольку если Джонс хоть раз окажется несчастлив (почувствовав собственную беспомощность при попытке сделать что-либо самостоятельно), утверждение что «совершать безвозмездные поступки необходимо, так как это приводит к счастью» окажется ложным. Мы можем лишь гипотетически полагать, что он будет работать, поскольку в данный момент нет сомнений в том, что он верен. Это соответствует индуктивному способу образования знания. Когда мы, имея дело с частными явлениями, приходим к общему выводу и принятие этого вывода как верного зависит от нашего доверия и тому, как часто закон срабатывает в частных случаях.

Таким образом, вопрос поднимаемым Расселом касательно априоризма, звучит следующим образом – «Как в случае индуктивного метода мы приходим к утверждению общих положений, если предполагается что мы не можем иметь пред собой всех случаев применения данных положений? Это ничто иное как перефразированный вопрос Канта из «Критики чистого разума» - «Как возможны синтетические суждения apriori?»[34].

Само собой, ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Рассел подмечает, что в случае математики (как мы помним, вопрос, приведенный нами в конце последнего абзаца, у Канта также имеет формулировку «Как

[34] См.: Там же – с. 219

возможна чистая математика?»), позиция эмпириков крайне сомнительна[35]. Мы не можем с помощью индуктивного метода перейти от частных случаев применения тех или иных законов. Например, зная, что 2+2=4, и вполне успешно, раз за разом применяя это знание в соответствующих ситуациях, мы тем не менее не можем с уверенностью сказать, что не возникнет такой ситуации, где это знание будет иметь другой статус, другое применение, или соответствие. Однако всё же нечто даёт нам способность применять эти знания к реальности, что в свою очередь позволяет рассматривать позицию эмпириков, как состоящую не только лишь из допущений. Или, это должно заставить нас искать другое объяснение, где присутствовали бы наиболее сильные стороны этих антагоничных позиций. Позиция Канта нам известна, и она как раз-таки вмещается в его трансцендентализм. То есть, в упрощённой форме она показывает, что внешний мир не познаваем, но он воздействует определенным образом на наши чувственные способности, посредством чего разум формирует представления исходя из собственной структуры. Также нашему разуму свойственно порождать «структуры структур», то есть то, что участвует в «оформлении» представлений, являющихся более общими по отношению к ним. Это как раз, таки то, что именуется идеями разума. Также Кант ввёл т.н. «трансцендентальную логику» - систему, описывающую то, каким образом у нас формируются указанные структуры. Этому посвящена работа Канта «Критика чистого разума» и в разработке обозначенных тем заключается его ответ.

Но Рассел решает не пользоваться методами Канта (в полной мере). Он не считает, что у нас есть основания полагать, будто природа человека неизменна настолько, что наш разум будет работать так, как описал это Кант в любой момент времени. Вернее сказать, Кант не учёл возможности изменения природы человека, то есть изменения структуры разума.

[35] См.: Там же – с. 222

Также, интересен ответ Рассела на то, что логические законы – это законы мышления. Кант действительно разрабатывал свою трансцендентальную логику на основании принятой в его время логике. И действительно для Канта закон логики – это закон мышления. Тут можно сказать, что многие положения абстрактных наук применяются нами независимо от их связи с нашим мышлением. Полагание истинности такого закона строится на наших представлениях о вещах, и не исходит от нашего разума. То есть здесь вновь возникает тема необходимости и возможности, в рамках которой мы можем сказать, что нам необходимо для начала полагать существование элементов или переменных, прежде установления между ними каких-либо связей. И такая связь в некотором роде предполагает необходимость элементов, между которыми она есть. Поэтому закон логики по Расселу – это не закон мышления, а нечто что мы утверждаем касательно полагаемыми нами как имеющих место сущностями.

Это самое «нечто», по Расселу должно иметь особый статус. Мы очевидно, выражаем это «нечто» посредством языка. Рассел приводит термины партикулярности (уникальности) и универсалии, где партикулярность – это то, что мы в языке обозначаем посредством имён собственных, чему соответствует единичное, уникальное явление[36]. «Стол Ивана Грозного» - это партикулярность. «Стол» же вообще (то есть любой стол в мире) – это универсалия. Такие части речи как, наречия, местоимения могут обозначать универсалии

О познании приведенных выше полярностей, Рассел высказался следующим образом. Как то, так и другое может быть познано посредством знакомства и посредством описания[37]. Когда мы познаём нечто посредством знакомства, мы познаём сначала одиночные «явления». То есть принимаем во внимание нечто ранее не известное, но в данном случае, сталкиваясь с этим в

[36] См.: Там же с. 245
[37] См.: Там же с. 253

дальнейшем мы выдвигаем общую идею того что познали. Знание по описанию позволяет же нам применять уже ранее познанные общие идеи к познанию частных проявлений, не имеющихся перед нами в данный конкретный момент.

Априорное познание по Расселу касается лишь отношения между универсалиями. Например, априорно-аналитическим суждением будут суждения вида «Психопат – это человек», «звезда – это космическое тело» и т.д.

Априорно синтетическим будет, например, положение математики, что множество натуральных чисел является бесконечным. Оно (положение) является априорно синтетическим по Канту – так как представляет собой закон математики. По Расселу априорными и синтетическими будут «некоторые положения логики и арифметики», своего рода непосредственное знание, несомненность в котором позволяет усматривать его в разных проявлениях и ситуациях.

Или знание о том, что «объекты мира могут быть подвергнуты счёту». Такое знание будет обладать главными характеристиками априорного знания – интуитивностью и самоочевидностью. Мы считаем самоочевидным, что объекты есть, что они относятся к тому, что можно посчитать и что мы можем предицировать свойство «быть посчитанным» к таким «объектам». Мы также применяем указанную процедуру к тому, что считаем объектом, что придаёт характер интуитивности такому знанию.

Вспомним затронутую ранее концепцию Г. Фреге. У Фреге безусловно отсутствует разработанная концепция дескрипций. Также его универсалии имеют весьма специфичный статус, по сравнению с Расселом. Кажется, для Рассела очевидно, что мы, сталкиваясь с некой конкретной вещью, мы можем иметь лишь непосредственно опыт «этой» конкретной вещи. Однако, опираясь на подразумеваемое индуктивное умозаключение о таких же или похожих

друг на друга вещах, предоставляющее познавать другие предметы посредством описания и делает возможным таким образом априорное знание или знание универсалий.

Глава 3 Крипке об априорности.

Касаясь вопроса об априорности, трудно обойти стороной статью Крипке «Тождество и необходимость», чей взгляд на обсуждаемую здесь проблему является примером актуальности проблемы априорности. В этой части работы будет показано, почему именно Крипке так важен для рассмотрения нашей проблемы.

«Тождество и необходимость», начинается с того, что Крипке задаётся вопросом «Как возможны случайные утверждения тождества?» (по аналогии с тем, как Кант формулирует проблему - «Как возможны синтетические суждения априори?»).[38] Почему проблема, занимавшая умы философов, вновь поднимается Крипке и какова её связь с такими концептами как тождество и необходимость? Этот вопрос является основным рассматриваемы в статье. Для удобства можно представить топику рассуждений Крипке в данной статье в следующих пунктах:

1) Крипке формулирует проблему тождества и необходимости и приводит ряд позиций по данной проблеме (и обозначает свою);
2) Вводит понятие жесткого и нежёсткого десигнатора (для каких именно целей Крипке вводит эти понятия будет указано далее);
3) Приводит различие между разными видами истин
4) Соотносит понятия тождества, необходимости и априорности

Прежде чем ответить на данные и другие вопросы, Крипке последовательно начинает рассуждение с рассмотрения проблемы тождества и необходимости.

Есть ряд позиций, которые сводятся к тому (и Крипке их приводит), что случайные утверждения тождества существуют[39]. Одним из наглядных примеров такого утверждения тождества является утверждение, что

[38] См.: Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике вып. 13; М. «Радуга». – 1982. С. 340-376
[39] См.: Там же с. 342

«Единственный пожизненный диктатор Римской республики» и «Автор записок о Гальской войне» относятся к одному человеку. На основании этого мы можем утверждать, что данные суждения тождественны, поскольку за данными дескрипциями скрывается один и тот же персонаж – Гай Юлий Цезарь.

Можно подумать, что я наткнулся на «Записки о Гальской войне», прочитал имя автора на корешке и это даёт мне право полагать, что автор данной работы - Гай Юлий Цезарь. Однако, можно предположить, что я не знаю точно сколько было в истории римской республики пожизненных диктаторов или с информацией о том, что таковым являлся Цезарь я ознакомился позже (что весьма правдоподобно, так как этот факт из биографии хронологически позже написания «Записок о Гальской войне») и в рамках воображаемой беседы об Юлии Цезаре я мог бы не сразу понять, что, упоминая указанные факты из биографии мы говорили бы с моим собеседником об одной и той же персоне. Обнаружив это, мы также обнаружили бы тождество между описываемыми нами объектами, характер которого, учитывая обстоятельства был бы случайным.

Другой пример – «Первый президент СССР» и «Последний президент СССР» нам кажется более наглядным, поскольку здесь гораздо легче представить или признать правдоподобной ситуацию, когда, говоря о «первом президенте» и «последнем президенте СССР» мы обнаруживаем, допуская в очередной раз воображаемую дискуссию, что говорим об одном и том же конкретном лице, Михаиле Горбачёве, что вроде бы предполагает случайное тождество между этими дескрипциями.

Как уже было указано, многими исследователями полагается, что эти примеры иллюстрируют так называемые случайные тождества. Однако, Крипке кажется не спешит соглашаться этим. Он указывает на то обстоятельство, что как в первом, так и во втором приведённым нами случае,

дескрипции относятся к вполне определенным «объектам»[40]. Это говорит нам лишь о том, что указанные выше тождества – это тождества прежде всего между объектами. Так, первая ситуация говорит нам о том, что:

1) «быть первым президентом СССР»;

2)«быть последним президентом СССР»,

являются двумя необходимыми свойствами объекта «Михаил Горбачёв». Мы не можем привязать характеристику «Быть первым президентом СССР» к какому-либо иному объекту. Это было бы контрфактично, ошибочно «быть первым президентом СССР» и «быть последним президентом СССР» мы прямо связываем с объектом «Михаил Горбачёв», что позволяет нам говорить об этих свойствах как о необходимых.

Вспомним первый приведённый нами пример про Юлия Цезаря. Мы привели две дескрипции, которые звучат как «Единственный пожизненный диктатор Римской республики» и «Автор записок о гальской войне».

Он начинает с того, что им вводится понятие жёсткого и нежёсткого десигнатора[41]. В качестве примера нежёсткого десигнатора, подобно примерам, которые приводил сам Крипке в своей статье будет «быть первым президентом СССР» и «Автор записок о Гальской войне». Почему это примеры нежёсткого десигнатора? Нежесткий десигнатор отличается от жёсткого тем, что, если мы можем допустить (или характер объекта подразумевает возможность допустить) иное стечение обстоятельств, иной возможный мир с обстоятельствами, сложившимися иначе, (где, например, Цезарь не писал бы записок о Гальской войне и где первым президентом СССР был бы академик Сахаров), мы можем заключить, что связь истинностное значение между Цезарем и «автором записок о Гальской войне не является необходимой». Это также справедливо как для связи между именем «Цезарь»

[40] См.: Там же с. 346
[41] См.: Там же с. 350

и «Единственный пожизненный диктатор Римской республики», так и для имени Горбачёв и дескрипциями «первый президент СССР» и «последний президент СССР». Всё это виды нежёсткой десигнации. То есть, нежёсткий десигнатор – это дескрипция, у которой отношение тождества с именем таково, что оно является истинным не во всех возможных мирах.

Также Крипке делает важное замечание, касающееся статуса возможных миров и ситуаций употребления понятий, в рамках данных гипотетических конструкций.[42] Когда некто в случае определения необходимости связи между именем и дескрипцией начинает привлекать возможные миры, это не означает утверждение существования такой ситуации как эмпирически верифицируемой. Верификация тут не причём, поскольку связь тождества рассматривается несколько под другим измерением. Это измерение логико-семантическое, где возможный мир – это попытка учитывать возможность существования других объектов, которые могли бы или не могли обладать соответствующими дескрипциями. И это нужно для того, чтобы понимать насколько «сильна» связь между десигнатором и «объектом».

Также не важно наличие объекта, которому «назначается» «десигнатор», если необходимость тождества между десигнатором и объектом установлена, то полагание отсутствующим, частично отсутствующим объект «десигнации» не имеет особой значимости. Это любопытный момент на наш взгляд, о котором, пожалуй, можно лишь сказать, что, да, всё-таки перейти или вывести из объекта, (взяв его логико-семантический аспект) его возможные десигнаторы и дескрипции не представляется возможным, поскольку возможные представления об объекте, следующие за его помещением в разные контексты, не относятся к вопросам тождества, то есть логики и семантики.

То есть, возможные миры не считаются реально существующими[43], поскольку, необходимо было бы привести массу свидетельств и особенностей

[42] См.: Там же с. 347
[43] См.: Там же с. 348

такого мира и также привести необходимые основания для того чтобы считать соответствующую такому миру ситуацию реальной или могущей произойти в тот или иной момент времени. Такое представление, по словам Крипке, ошибочно.[44] Постулирование возможных миров связано лишь с определением связи между дескрипцией или дескрипциями и объектом, а не с эмпирическим наличием объекта в таких мирах или же его отсутствием.

Наконец, Крипке, оставив на некоторое время прояснение указанных выше конструкций и переходит к понятиям априорности и необходимости.[45] Вернее, о «необходимости» он высказывался ранее, теперь же априорность и необходимость им различаются. Он говорит, что необходимость или необходимая истина – это такая истина, которая является истиной во всех возможных мирах, то есть не может быть неистинной.[46] Крипке предлагает относить такой вид истин к «метафизике», к той области философии, к которой относятся суждения о том «каким бы мог быть мир, каким он нам дан, мог ли бы он в чём-то отличаться от действительного».[47] Важно здесь то, что априорные истины Крипке относит к области познания, к области суждений о действительном мире, о том, что можно узнать из него и каким образом. Для Крипке это разделение представляется несомненным.

Но что ещё, помимо математических правил может быть жёстким десигнатом? Крипке предполагает, что скорее всего жестким десигнатом может считаться имя. Имя, это то, как специализирует себя объект в логико-семантическом «пространстве». То есть когда мы имеем ввиду некий конкретный объект из всей эмпирической массы многих и многих объектов, когда мы его выделяем дабы что-то сказать о нём мы используем имя. Способ, принцип выделения не важен в рамках обсуждаемых нами вопросов, поскольку это может осуществляться даже произвольно, согласно конвенции

---

[44] См.: Там же - с. 352
[45] См.: Там же - с. 354
[46] См.: Там же - с. 360
[47] См.: Там же - с. 364

и т.п. Важно то, что имя говорит нам как раз таки об объекте, что в этом мире он является тем, чем он есть и ничем иным, и раз уж мы говорим о нём как о присутствующем в других возможных мирах (или контрфактических ситуациях) мы не можем говорить о нём как не являющимся тем, что он есть. Допустим Цезарь не может быть объектом возможного мира и обладать свойством «не быть Цезарем», это было бы противоречиво. Таким образом имя это тоже жёсткий десигнат.

От десигнатов Крипке переходит к вопросу о том, являются ли необходимые истины известными нам apriori или познаваемыми apriori.[48] Дело в том, что, как мы ранее указали, им полагается изначальное расхождение необходимых и априорных истин. Возьмём следом за Крипке в качестве примера математическое правило, что любое чётное число является суммой двух простых чисел[49]. Если попытаться эмпирически показать, что данное положение справедливо для всех таких чисел, то это не увенчается успехом, в силу бесконечного ряда таких чисел. Мы бесконечно бы применяли такое правило, не получав окончательного ответа на этот вопрос. То есть, по словам Крипке нам неизвестно априори и апостериори применимо ли разбираемое нами математическое положение во всех возможных случаях[50]. Для автора статьи «Тождество и необходимость» не очевиден ответ на данный вопрос и вся статья, по его собственным словам стремится как раз таки показать что однозначный ответ дать крайне сложно.

Пытаясь всё же пролить некий свет на эту проблему, Крипке обращается к проблеме эссенциализма[51]. Есть ли сущностные характеристики у объектов? Положим, перед нами стол. Каковы могут быть сущностные характеристики, позволяющие заключить, что этот конкретный объект действительно является столом? Мы могли бы сказать, что столы не делают из грязи, что они

[48] См.: Там же - с. 359
[49] См.: Там же - с. 361
[50] См.: Там же - с. 363
[51] См.: Там же - с. 365

создаются из твёрдых материалов, что из материалов, например, жидких создать стол вряд ли возможно и его скорее всего никто не стал бы создавать из практических соображений. Соответственно одной из характеристик стола будет «не быть созданным из нетвёрдого материала». То есть, утверждая, что, столы – это конструкции только не из нетвёрдого материала, мы вместе с этим полагаем, что быть созданным из твёрдого материала – это быть необходимо созданным из твёрдого материала. И так, мы привели ряд апостериорных рассуждений, из которых заключили о необходимости определённого сущностного свойства, полагая тождество между наличием сущностного свойства и одновременного отсутствия противоположных свойств, то есть о необходимости сущностного свойства. То есть, исходя из определения сущностных свойств и попыток доказать через них наличие некоторого объекта и учитывая разделение априорного и апостериорного, свойство «не быть сделанным из нетвёрдого материала» наделяется статусом априорной истины, выведенной из необходимого сущностного свойства «быть сделанным из твёрдого материала». Это является примером того, где мы можем утверждать, что априорные суждения могут быть необходимыми.

Теперь вернёмся к нашим примерам о Гае Юлии Цезаре, дескрипциях «быть автором записок о Гальской войне» и «Быть единственным пожизненным диктатором Римской республики», и примеру Михаиле Горбачёве и к дескрипциям «быть первым президентом СССР» и «быть последним президентом СССР». Возьмём вторую ситуацию, ситуацию с Горбачёвым. Сущностными характеристиками в данном случае будут дескрипции этого имени – «быть первым президентом СССР» и «быть последним президентом СССР». Если мы осуществим своеобразную «проверку на прочность» этих десигнаторов, то мы обнаружим, что, предполагая некий возможный мир, где верно было бы обратное, мы не вправе утверждать, что здесь десигнаторы будут нежёсткими. Так как мы строго соотносим имя Горбачёв с «Первый президент СССР» и «Последний

президент СССР», полагая что это действительно так в «действительном мире», наличие иных возможных миров не делает эти десигнаторы нежёсткими. Они лишь дают пояснение, что данный объект в возможных мирах мог бы иметь сущностный признак, который нёс в себе бы противоположный смысл заявленным дескрипциям. Однако, если несколько видоизменить пример, сказав, что «быть лидером СССР с пятном на голове» и Михаил Горбачёв находятся в отношении нежёсткой десигнации. Почему так?

Можно сказать, что возможно у других лидеров СССР тоже были пятна на голове. Или что это с апостериорной точки зрения не совсем корректно, так как понятие пятна в данном случае явно употреблено исходя из того, на что похож этот предмет внешне, а не исходя из того чем он является, скажем, с медицинской точки зрения или биологической, то есть исходя из точки зрения, способной предложить более детальную характеристику предмета. Возможно ситуация воспроизведения такого отношения в речи может также дать усомниться в том, что указанное выше отношение — это отношение жёсткой десигнации. Когда некий индивид с уверенностью говорит о Горбачёве как о «лидере с пятном на голове», а другой или другие распознают это и употребляют эти элементы речи в таком же ключе, это не даёт нам права не сомневаться в том, что найдётся индивид и даже не один, который возможно будет видеть в качестве жёсткого десигната другое имя для указанной дескрипции. То есть здесь возможные тождества могут приобрести характер случайных. Это согласуется с примером Крипке, приведённым им уже в самом конце статьи. Хотя он и предполагает на протяжении всей концовки свой статьи, что связь между именем и дескрипцией, мы устанавливаем по большей части в качестве необходимой, всегда останутся примеры, которые заставят усомниться в этом или вызывать ощущение неокончательной уверенности.

Заключение

«Переформулирование» проблематики Канта из анализа априоризма в анализ значения и последующую разработку теории значения, позволили, помимо акцентуации на очевидных противоречиях кантовской системы, также создать неоднозначную трактовку кантовских идей. Однако такой подход также не избегает допущений. Помимо этого, создание Г. Фреге свой теории значения позволило дать один из возможных ответов на проблему, возникшую в случае априоризма Канта, то есть на проблему тождества.

Дальнейшие работы, как например работа Рассела и его концепция дескрипций продолжила разработку проблемы тождества. Она затронула уже непосредственно возможность синтетических суждений априори или как это звучит у Рассела – как возможны такие суждения, если в опыте мы не имеем всех примеров его применения? Такая постановка проблемы привела его мысль к прояснению категории смысла Фреге и разработке теории универсалий и партикулярностей. Можно сказать, что как именно образуется смысл у Фреге непонятно, он как будто заключён в некотором виде в используемых нами языковых конструкциях, но в тоже время отличен от реальных вещей и от способов изображения сообщаемого. То есть он отличен одновременно от имени и от реальных вещей. По Расселу кажется вопрос о природе универсалии сводится к тому, что мы интуитивно, с течением времени образуем их, чему сопутствует наша интуиция и опыт. Из-за этого может возникнуть ситуация, когда мы можем сказать об одном и том же лице, что он «красный» и в тоже время «ярко-красный», или «красный тёплых тонов» и т.п. То есть приписать ему разные характеристики, которые и будут являть собой разный смысл одного и того же имени.

Наиболее неоднозначной в рамках данной работы была позиция Крипке. На данном завершающем этапе можно предварительно сказать, что для Крипке априорные суждения обладают необходимостью. В части посвящённой Крипке показано как это происходит. Стоит сказать, что автор

данной работы полагает, что концепция жестких десигнаторов, в том виде, как она представлена в статье Крипке «Тождество и необходимость» вызывает ряд вопросов. Хотя Крипке и сам позволил себе оставить ряд моментов в качестве допущений, всё же не позволяют не рассматривать указанную концепцию как весьма неоднозначную. Также примечательно, что Крипке в ряде примеров всё же оставляет повод усомниться в том, что жёсткие десигнаторы действительно являются жёсткими.

Список использованных источников и литературы

1. Арендт Х. Лекции по политической философии Канта / Х. Арендт ; под ред. В.М. Камнева, Ю.В. Перова и др., пер. с англ. А.Глухова – СПб.: Наука, 2011. – 303 с. – (сер. «Слово о сущем»);
2. Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий) / В.В. Васильев – М. «Наследие». – 1998. С.160;
3. Веретенников А.А. Кант и Крипке об априорных необходимых истинах // Форум молодых кантоведов. М., 2005. С. 202-206.
4. Кант И. Критика чистого разума // И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского свер. и отред. Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: Э. 2016. – 736 с. – (Антология мысли);
5. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 5 – 153;
6. Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике вып. 13; М. «Радуга». – 1982. С. 340-376
7. Льюис К.И. Прагматическая концепция *a priori* // Эпистемология и философия науки. 2014. № 4. С. 222-231.
8. Пушкарский А.Г. Кант, Гёдель и проблема синтетических суждений apriori // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 3. С. 44—60;
9. Пушкарский А.Г. Некоторые проблемы аналитических и синтетических суждений в истории логики // Вестник Балтийского федерального университета им.И.Канта. – №12. – 2012. – С. 124 - 131.
10. Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000.

11. Соколова Т. Д. Понятие a priori в современной аналитической эпистемологии // Институт философии РАН 2021, URL: https://iphras.ru/uplfile/aspir/autoreferat/sokolova/autoref.pdf
12. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: Сб. тр. М., 2000. С. 230–247.

Exactus Like - поиск текст

like.exactus.ru/index.php/ru/

Авиабилеты | Яндекс | web analytics - Пои... | Этот фантастическ... | Мёртвый штиль (ф... | Безопасность (фил... | Траффик (фильм)... | Солярис (фильм, 2... | Столкновение (фи...

Выберите коллекции

- [x] Все
- [x] Рефераты
- [x] Авторефераты
- [x] Иностранные конференции
- [x] PubMed
- [x] Википедия
- [x] Российские конференции
- [x] Иностранные журналы
- [x] Российские журналы
- [x] Энциклопедии
- [x] Англоязычная википедия

Анализировать

Проверить по расширенному списку коллекций системы Руконтекст

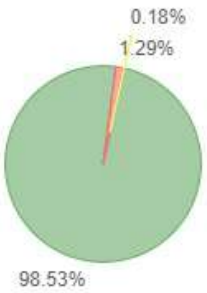
Обработан файл:
Магистерская диссертация_Цидзеневский.pdf.

Год публикации: 2021.

Оценка оригинальности документа - 98.53%

Процент условно корректных заимствований - 0.18%

Процент некорректных заимствований - 1.29%



Просмотр заимствований в документе

Время выполнения: 17 с

РУС 1:21 08.06.2021